



ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ: МЕЖДУ ПАТЕРНАЛИЗМОМ И САМООРГАНИЗАЦИЕЙ

Эльвина Азадовна Сагдиева

ОСП «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»,
Казань, Россия
Elvina_n@inbox.ru,
ORCID 0000-0003-4510-9467

Для цитирования: Сагдиева Э. А. Гражданское участие и социальный капитал в сельских поселениях: между патернализмом и самоорганизацией // Социологическая наука и социальная практика. 2026. Т. 14, № 2. С. 42–66. DOI 10.19181/snsp.2026.14.2.3. EDN YSYWJT.

Аннотация. В статье анализируются модели, барьеры и эффективность гражданского участия в сельских поселениях Республики Татарстан в контексте состояния и воспроизводства социального капитала. Эмпирической базой исследования послужили данные анкетного опроса глав всех сельских поселений 43 муниципальных районов Республики Татарстан, проведённого в 2025 году, а также материалы интервью, собранные в 2024–2025 гг. Теоретико-методологическую основу работы составляют концепция социального капитала Р. Патнэма, институциональный подход Д. Норта и О. Уильямсона, а также теория патернализма в управлении. Показано, что в сельских поселениях доминирует реактивная модель гражданского участия, при которой вовлечённость населения во многом инициируется и поддерживается органами местного самоуправления. Выявлено преобладание «связывающего» социального капитала при слабой развитости «соединяющих» форм, что ограничивает переход к устойчивым практикам самоорганизации. Установлено, что главы сельских поселений высоко оценивают собственную эффективность в сфере администрирования, мобилизации ресурсов и работы с обращениями граждан, но значительно реже рассматривают развитие территориального общественного самоуправления и горизонтальных форм взаимодействия как приоритет своей деятельности. Анализ предпочтительных форм участия и обратной связи свидетельствует о доминировании традиционных очных практик (сходы граждан, самообложение), дополняемых цифровыми каналами коммуникации. Особое внимание в исследовании уделено анализу состояния института сельских депутатов, для которого характерно сочетание высокой функциональной значимости и выраженного кадрового дефицита. Полученные результаты позволяют охарактеризовать современное сельское местное самоуправление в Республике Татарстан как гибридную систему, сочетающую элементы патернализма, управляемого участия и ограниченной самоорганизации населения.

© Сагдиева Э. А., 2026

Ключевые слова: гражданское участие, социальный капитал, сельские поселения, местное самоуправление, патернализм, самоорганизация, Республика Татарстан

Благодарности: работа выполнена за счёт гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью стимулирования их к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Введение

Проблематика гражданского участия и социального капитала в сельских территориях сегодня занимает одно из центральных мест в теоретических и прикладных исследованиях, ориентированных на развитие регионов России. От того, насколько жители готовы участвовать в решении вопросов местного значения, зависит не только формальное функционирование муниципальной системы, но и реальные перспективы устойчивого развития поселений, сохранения базовой инфраструктуры и качества жизни людей. В сельской местности это особенно важно, потому что здесь меньше экономических и институциональных ресурсов, а роль человеческих связей, доверия и готовности «делать вместе» значительно выше, чем в городе. За последние десятилетия сельские территории России переживают системную депопуляцию и старение населения. Молодёжь и активная часть трудоспособных граждан уезжают из сельской местности. В результате многие сёла не только сталкиваются с потерей численности населения, но и теряют «ядро» социально активных жителей, способных брать на себя роли местных лидеров, организаторов инициатив, участников выборов и общественных обсуждений. Старшее поколение, которое остаётся, чаще ограничено в ресурсах и здоровье, что снижает потенциал участия, хотя именно эти люди часто сохраняют сильные соседские связи и установки на взаимопомощь. Одновременно сокращается ресурсная база сельских поселений. Местные бюджеты зависят от трансфертов «сверху», собственные доходы невелики, а на муниципальный уровень часто передаются дополнительные обязанности без адекватного финансирования. В такой ситуации участие в местном самоуправлении (далее – МСУ) всё чаще воспринимается как малозначимое и неэффективное, что подрывает мотивацию включаться в обсуждение и реализацию проектов.

Там, где сохраняются доверие, тесные горизонтальные связи, совместные действия (ремонт дорог, благоустройство, самообложение на нужды села), местные сообщества лучше справляются с внешними вызовами, включая нехватку средств и кадров. Это и есть проявление роли социального капитала, что подразумевает не только «хорошие отношения» между людьми, но и устойчивые практики сотрудничества, нормы взаимопомощи и ответственность за общее дело.

Важно и то, что реформы МСУ последних лет сопровождаются укрупнением муниципальных образований, перераспределением полномочий и частичной стандартизацией процедур участия граждан. Для сельских поселений это означает, что формально спектр задач и инструментов участия расширяется,

но фактически возможности влияния жителей и органов МСУ часто сужаются из-за зависимости от решений властей районного или регионального уровня. Без развитого социального капитала такие изменения воспринимаются как очередное подтверждение бесполезности участия, а не как повод к самоорганизации.

Таким образом, на уровне сельских поселений становится видно, превращается ли МСУ в реальный канал с участием граждан или остаётся формальной конструкцией, существующей при слабой вовлечённости населения. Анализ состояния социального капитала и реальных практик участия в таких условиях позволяет лучше понять, какие модели взаимодействия власти и жителей сегодня преобладают в сельской местности и какие ресурсы ещё могут быть задействованы для сохранения и развития сельских территорий.

В современной научной литературе исследования гражданского участия и социального капитала в сельских территориях России изучены в ряде направлений, но остаются эмпирически неполными и фрагментарными. Исследования показывают, что сельские территории можно рассматривать как «микромодель» гражданского общества: здесь в концентрированном виде проявляются как институциональные ограничения МСУ, так и ресурсы самоорганизации населения [1]. При этом в работах подчёркивается двойственная природа участия: устойчивые патерналистские ожидания от государства сочетаются с эпизодической активизацией локальных инициатив, часто ориентированных на конкретные проблемы или на конкретных лидеров [2; 3]. Часть исследований посвящена анализу нормативных и практических аспектов вовлечения граждан в МСУ, где показано, что юридически закреплённые формы участия (выборы, общественные слушания, обращения, опросы) воспринимаются населением с неполным доверием и ощущением «формальности» процедур [4; 5]. И. В. Копотева предлагает типологию сельских общественных организаций и инициативных групп, выделяя структуры, оказывающие политическое влияние, и организации, ориентированные исключительно на решение локальных проблем силами сообщества [6].

Исследования сельских территорий через призму социального капитала показывают, что здесь сохраняются плотные соседские связи, практики взаимопомощи и локальные идентичности, которые могут выступать ресурсом для самоорганизации и участия. На примере сельских поселений Крымского полуострова показано, что высокие уровни доверия и горизонтальных связей облегчают запуск локальных инициатив, но их конвертация в устойчивые институциональные формы (территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС), постоянные общественные советы, устойчивые практики участия в МСУ) зависит от позиции местных лидеров и характера взаимодействия с региональными органами власти [7]. Аналогичные выводы о значении социального капитала для готовности населения участвовать в управлении территорией делаются и применительно к региональным сообществам России в целом: ценности доверия, взаимности и ответственности за место проживания положительно связаны с участием в общественных инициативах, но остаются неравномерно распределёнными между группами населения [8; 9; 10; 11; 12].

Часть исследований рассматривают сельские поселения как специфическое пространство пересечения патернализма и самоорганизации. Значительная часть населения демонстрирует патерналистские ожидания, полагая, что инициатива и ответственность лежат на институтах власти, в то время как роль граждан сводится к пассивному или формальному соучастию [13]. В то же время кейс-описания успешных сельских инициатив (в сфере благоустройства, экологии, локальных проектов развития) показывает, что при наличии поддерживающей информационной и организационной среды жители могут переходить от разовых акций к более устойчивым формам соучастия и партнёрства с местной властью. Вклад исследователей в осмысление феномена сельской самоорганизации отличается как шириной охвата, так и глубиной анализа: от описания отдельных практик к построению теоретических моделей, объясняющих роль институтов, стимулов и ограничений [14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22].

На этом фоне заметен исследовательский дефицит работ, в которых сельское гражданское участие и социальный капитал анализируются с позиции глав сельских поселений. Большинство публикаций опираются либо на опросы населения, либо на региональную статистику и правовой анализ, тогда как взгляды и практики, позиции глав поселений – ключевых медиаторов между населением и вышестоящими уровнями власти – часто не представлены. Существующие исследования часто либо локальны (охватывают несколько поселений или один регион), либо основаны на анализе документов и экспертных мнений. Представленное репрезентативное исследование глав всех сельских поселений 43 муниципальных районов Республики Татарстан приобретает особую актуальность, поскольку устраняет пробелы в понимании масштаба и типологии проблем на низовом уровне. Также данная работа вносит вклад в изучение гибридных моделей участия – сочетания традиционных общинных форм (сходы, взаимопомощь) с современными инструментами (самообложение, интернет-консультации), выявляя, где участие проактивно, а где вынужденно из-за ресурсного дефицита и патерналистских ожиданий, и освещает кризис кадрового воспроизводства МСУ, барьеры депутатства и стимулы формального вовлечения. Новизну работе придаёт и её региональная специфика: анализ в контексте Республики Татарстан позволяет учесть влияние уникальных этнокультурных, хозяйственных и управленческих факторов, характерных для данного субъекта РФ.

Целью исследования является анализ моделей гражданского участия, его эффективности и барьеров в реализации его потенциала в сельских поселениях Республики Татарстан через призму оценок и опыта их глав, а также определение характера, качества и потенциала социального капитала в сельской среде и его связи с состоянием локальной демократии. В ходе исследования решались следующие задачи: оценка степени и характера участия сельчан в МСУ и выявление самооценок главами своего профессионального уровня в сфере работы с населением; определение наиболее эффективных форм гражданского участия и обратной связи; анализ роли и проблем института сельских депутатов.

Методология, эмпирическая база исследования

В исследовании использован комплексный подход: структурно-функциональный анализ и неинституциональная методология. МСУ рассмотрено как институт, где формальные механизмы (законы, подзаконные акты и нормативные документы, официальные процедуры) взаимодействуют с неформальными практиками (личные связи, неофициальные договорённости, неписаные нормы).

Теоретической основой исследования является концепция социального капитала Р. Патнэма [23], который определял его как совокупность норм, сетей и доверия, облегчающих координированные действия между людьми для достижения общих целей. Исследователь считал, что понятие «социальный капитал» объясняет различия в эффективности институтов регионального и местного самоуправления, подчёркивая, что только формально-правовых механизмов недостаточно для устойчивой кооперации. Р. Патнэм рассматривал социальный капитал комплексно, делая акцент на структурных элементах (сети взаимодействий), культурных элементах (нормы, взаимность, доверие) и на связи с кооперацией ради взаимной выгоды, а не только из-за субъективных установок. Социальный капитал трактуется не как индивидуальное свойство, а как характеристика сообщества, муниципалитета или региона, поддающаяся межтерриториальному сравнению и соотнесению с качеством управления. Сети у Р. Патнэма – устойчивые горизонтальные связи между гражданами (ассоциации, инициативные группы, соседские сообщества), которые создают каналы циркуляции информации, взаимной поддержки и коллективного действия. В нашем исследовании – это наличие и функционирование ТОС, регулярность сходов граждан, вовлечённость в программы поддержки, взаимодействие с НКО и бизнесом, использование цифровых каналов.

Нормы взаимности понимаются как ожидание того, что помощь и кооперация будут ответны в будущем, даже если нет немедленной выгоды. Применительно к Татарстану – это оценка главами «степени участия сельчан», устойчивости практик самообложения, готовности становиться депутатами, готовности к волонтерству и участию в проектах.

Доверие представляет собой системный феномен, возникающий в ходе самоорганизации социума, который позволяет снижать неопределённость и издержки взаимодействия, делая кооперацию более вероятной. Восприятие главами сельских поселений эффективности обратной связи с населением, характера взаимодействия с органами власти разных уровней, оценки барьеров и стимулов к участию рассматривается автором статьи как операционализация феномена социального доверия в исследовании. Сочетание описанных выше трёх элементов формирует гражданскую общность, способную к самоорганизации и контролю над институтами власти.

Р. Патнэм выделял два измерения социального капитала [24].

Bonding social capital – «связывающий» капитал, характерный для гомогенных групп (семейные, родственные, соседские сети, религиозные общины).

Он усиливает внутригрупповую солидарность и взаимопомощь, но может сопровождаться закрытостью и недоверием к «чужим».

Bridging social capital – «соединяющий» капитал, формирующий связи между социально разнородными группами и сообществами (межпоселенческие сети, НКО, партнёрства с внешними акторами). Он способствует формированию обобщённого доверия и расширению радиуса кооперации.

Для сельских поселений Республики Татарстан обозначенные измерения очень актуальны. Высокая плотность родственных и соседских связей создаёт значительный запас «связывающего» капитала, обеспечивающий эффективность традиционных форм участия (сходы граждан, самообложение, коллективные работы). Однако недостаток «соединяющего» капитала, а именно – слабость сетей, связывающих сельчан с внешними институтами (федеральные и республиканские программы, профессиональные сообщества), ограничивает возможности перехода «вынужденного» участия к устойчивым формам гражданской вовлечённости и партнёрств с властью. Соответственно, устойчивые практики участия в МСУ (регулярные сходы граждан, работа ТОС, участие в бюджетных и грантовых программах) можно интерпретировать как инвестиции в социальный капитал, которые повышают эффективность локальной демократии, а не только как следствие нормативных требований закона.

Таким образом, опора на концепцию социального капитала Р. Патнэма задаёт целостную теоретическую рамку, в которой гражданское участие в сельских поселениях Татарстана автором исследования понимается как проявление и одновременно механизм воспроизводства локального социального капитала, непосредственно связанного с качеством локальной демократии и устойчивостью моделей самоорганизации.

Методологический подход, применённый в исследовании, опирается на теорию институтов Д. Норта и О. И. Уильямсона, которая позволяет при интерпретации данных объяснить, почему формальные правила участия граждан в МСУ работают только в сочетании с неформальными нормами поведения, культурными ориентациями и рациональными расчётами жителей и глав поселений.

Согласно Д. Норту, институты закрепляют «правила игры»: формальные (законы, процедуры) задают рамки, а неформальные (нормы взаимности, доверие, традиции) обеспечивают их соблюдение, снижая издержки контроля и принуждения [25]. Формальные правила без неформальной поддержки остаются «бумагой», а люди руководствуются не только рациональным расчётом выгод, но и культурными установками, определяющими ожидания от взаимодействия.

О. И. Уильямсон пишет о транзакционных издержках: эффективность институтов участия зависит от баланса между формальными механизмами (контракты, процедуры) и неформальными нормами, регулирующими оппортунизм и ограниченную рациональность [26]. В сельских поселениях это проявляется так: формальные каналы участия (сходы, общественные обсуждения) эффективны, только если подкреплены локальными нормами доверия и взаимопомощи, иначе издержки на мобилизацию и контроль слишком высоки.

В статье представлены оценки глав сельских поселений, касающиеся соотношения формальных и неформальных практик участия на соответствующих территориях, а также условий, при которых социальный капитал может трансформировать патерналистские ожидания в устойчивые формы самоорганизации.

Методологический подход проведённого автором статьи исследования также опирается на разработки отечественных исследователей, рассматривающих патернализм как устойчивую характеристику взаимодействия государства и общества (А. Л. Темницкий [27], В. Г. Фёдоров [28]). В рамках данного подхода патернализм трактуется как модель, при которой граждане ориентированы на получение от государства социальной поддержки, помощи в решении жизненных проблем и перераспределения ресурсов, что обусловлено исторически сложившимися особенностями политической культуры России. В этих условиях участие населения в местном самоуправлении формируется под влиянием патерналистских установок, определяющих ожидания от власти и границы собственной инициативы. Анализ направленности оценок главами сельских поселений установок населения позволяет эмпирически зафиксировать, каким образом они проявляются в практиках участия. Это, в свою очередь, даёт возможность выявить, в каких случаях ориентация на государственную поддержку сдерживает развитие самоорганизации, а в каких может служить ресурсом для вовлечения граждан в локальные инициативы и взаимодействие с институтами МСУ.

Метод сбора данных. Анализируемые данные были получены с помощью анкетного опроса, инструментарий которого рассылался главам всех 872 сельских поселений Республики Татарстан в июле – августе 2025 г. Были получены ответы 838 глав сельских поселений из 43 муниципальных районов республики. Таким образом, данные опроса можно считать репрезентативными. База данных формировалась и обрабатывалась с использованием IBM SPSS Statistics. Также были изучены законодательные акты, регулирующие деятельность МСУ в Республике Татарстан ¹, проведён анализ информации о деятельности сельских МСУ, размещённой на сайтах и порталах муниципальных образований республики.

Результаты.

Оценка активности населения и самооэффективности глав сельских поселений

Анализ ответов глав сельских поселений Татарстана позволяет описать характерную картину гражданской активности в муниципальных районах республики. Жители в основном участвуют в жизни села лишь после напоминаний и призывов со стороны власти, а не по собственной инициативе, это так называемая реактивная стратегия включения жителей. Главы, в свою очередь, высоко оценивают свои умения именно в области администрирования, организации

¹ Министерство юстиции Республики Татарстан : сайт. URL: <https://minjust.tatarstan.ru/zakonMSU.htm> (дата обращения: 01.02.2026).

и реакции на запросы населения. В то же время такие формы местной самоорганизации, как ТОС, не стали для большинства руководителей поселений привычным инструментом работы. Можно говорить об устоявшейся патерналистской схеме отношений: жители ожидают действий и решений от власти, которая сосредоточена на управлении и администрировании, а не на развитии самостоятельной активности граждан (см. рис. 1).

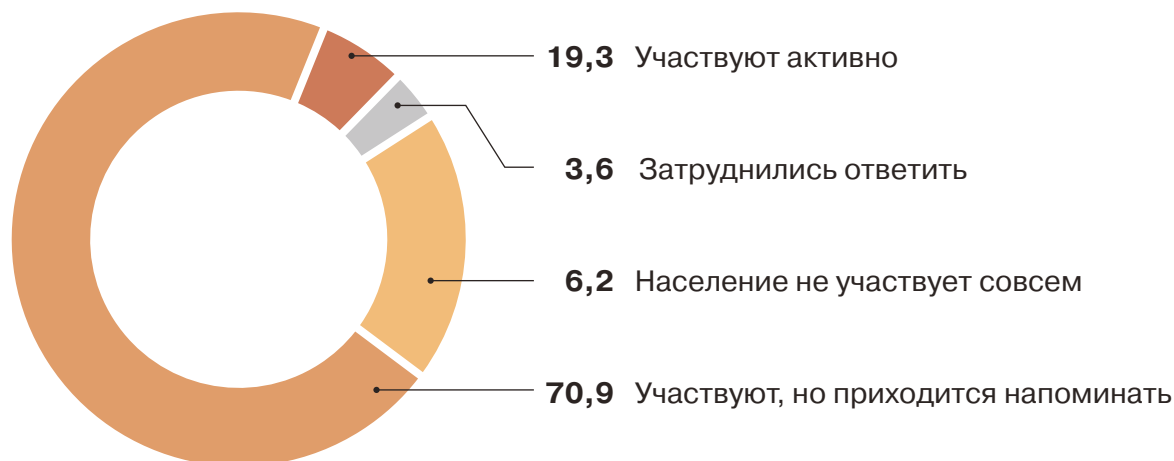


Рис. 1. Распределение оценок главами степени вовлечённости сельчан в вопросы поселения, год 2025, %

Согласно данным опроса, представленным на рисунке 1, из 838 принявших участие в опросе глав сельских поселений лишь пятая часть (19,3%) считают, что жители «участвуют активно» в решении вопросов местного значения. Этот показатель отражает наличие небольшого круга постоянных активистов, характерного для многих локальных сообществ, где публичная активность концентрируется вокруг ограниченного числа лиц. Подавляющее большинство респондентов (70,9%) отмечают преобладание реактивной модели условно-обязательного, «подталкиваемого» действия: «участвуют, но приходится напоминать им об этом». Большинство населения вовлекается в решение местных вопросов не по собственной инициативе, а в ответ на призывы или административное давление со стороны местной власти. Жители готовы откликнуться, но не склонны выступать инициаторами процессов. Подобная модель соответствует концепции «мобилизованного», или «управляемого», участия [29; 30], которая долгое время доминировала в постсоветском пространстве и характеризуется зависимостью гражданских практик от организующей роли институтов. Исследования ряда авторов показывают, что в режиме «управляемого участия» гражданская активность часто принимает либо ритуализированный характер, либо сводится к точечным практикам поддержки уже принятых решений [31; 32]. Только 6,2% глав поселений констатируют полное отсутствие участия населения в общественной жизни, а 3,6% затруднились с ответом. Таким образом, более трёх четвертей глав описывают вовлечённость сельчан как зависимую от инициативы и напоминаний со стороны местной власти, а не как установку на самостоятельное гражданское действие.

Подобное распределение оценок респондентов позволяет предположить, что социальный капитал сельских поселений в его «связывающей» и тем более «соединяющей» формах развит слабо. Преобладает «скрепляющий» (*bonding*) социальный капитал, основанный на доверии и взаимопомощи в рамках узких первичных групп (семья, соседи), но который плохо конвертируется в коллективные действия на уровне всего поселения для решения общезначимых проблем. Низкая проактивность может быть обусловлена комплексом причин: демографическим старением и оттоком молодёжи, исторически сложившейся установкой на патернализм, а также дефицитом времени, финансов и компетенций у населения для систематической общественной работы.

Анализ гражданской активности в рамках социальных исследований показывает, что для перехода от реактивного участия к проактивному необходимы формальные возможности для участия, а также прочный фундамент взаимного доверия, готовность к совместным действиям и позитивный опыт коллективной работы. Из-за недостатка этих факторов местные сообщества часто предпочитают перекладывать ответственность на лидера – главу поселения. Ему доверяют не только принятие решений, но и организацию общественной жизни.

В то же время данные опроса выявляют противоречивую ситуацию: при высокой включённости жителей в отдельные традиционные формы коллективной деятельности (самообложение, участие в благоустройстве, встречи с главой) их участие в других формах гражданского действия (инициативное проектирование, общественный контроль, институт старост, участие в работе ТОС, общественных советов) остаётся ограниченным и в значительной мере зависит от «активизирующих» усилий администрации. Такой тип участия соответствует модели «селективно-реактивной активности», когда готовность жителей к участию высока в ситуациях, напрямую связанных с жизненно важной инфраструктурой и социальной поддержкой, но существенно ниже в сферах стратегического планирования, контроля и критической публичной рефлексии.

Оценка сельскими главами собственной эффективности демонстрирует интересный диссонанс с оценкой активности населения. Главы высоко оценивают свои компетенции в области работы с жителями, но фокус этих компетенций лежит в плоскости администрирования и реагирования, а не возвращивания самостоятельных низовых инициатив.

Наиболее распространённым ответом глав поселений на вопрос о наиболее успешно выполняемых ими рабочих задачах стало умение «организовывать самообложение среди граждан» (53,6%) (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос о наиболее успешно выполняемых рабочих задачах, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Рабочие задачи	Доля респондентов, n = 838
Развивать ТОС	5,7
Организовывать самообложение среди граждан	53,6

Окончание таблицы 1

Рабочие задачи	Доля респондентов, n = 838
Работать с обращениями жителей	43,7
Подавать заявки на гранты, участвовать в программах, эффективно использовать средства на их реализацию	34,6
Внедрять цифровые технологии, сервисы в работу среди населения	7,6
Сотрудничать с бизнесом и НКО	4,8
Налаживать взаимодействие со спонсорами, предпринимателями, меценатами	31,6
Налаживать взаимодействие с органами государственной власти (района, Республики Татарстан, федеральными органами)	28,7

Самообложение – инструмент, предполагающий сбор средств с жителей на конкретные нужды поселения (ремонт, благоустройство). В Республике Татарстан практика самообложения реализуется с 2013 года с софинансированием из республиканского бюджета (на каждый собранный рубль с жителей республика добавляет 4 руб.) [22]. Успех в этой сфере больше объясняется доверием населения к этому инструменту вследствие многолетней ежегодной практики и возможностью оценить результат проделанной работы. Но, несомненно, важно и доверие населения к главе в финансовых вопросах и его способности аргументировать необходимость взносов на конкретные цели, то есть мобилизовать население на сбор средств. Это вертикальная модель «сверху-вниз»: инициатива и организационная рамка задаются главой, а население выступает ресурсом (в данном случае финансовым).

Вторая наиболее успешно выполняемая задача – это работа с обращениями жителей (43,7%), то есть реагирование на индивидуальные запросы, жалобы и просьбы, адресуемые в администрацию поселения. Умение работать с обращениями жителей – это одна из базовых задач любого уровня власти. В сельском поселении, где глава и жители находятся в постоянном личном контакте, эта функция приобретает особое значение. Высокая самооценка главами успешности выполнения такой функции показывает, что они видят себя в первую очередь ответственными за реакцию на запросы и решение проблем граждан. Такая роль действительно необходима, но она по своему характеру остаётся именно реактивной, главы поселений откликаются на уже возникшие проблемы, но не инициируют изменений.

Третье место по успешности реализации среди управленческих компетенций занимает умение подавать заявки на гранты, участвовать в программах, эффективно использовать выделяемые на них средства (34,6%). Данный показатель отражает институциональную особенность Республики Татарстан, где активно развивается система грантовой поддержки местных инициатив. В регионе действуют как федеральные программы («Комплексное развитие

сельских территорий», «Вода России», «Земский доктор/учитель»), так и республиканские механизмы, включая конкурсную поддержку проектов ТОС, гранты на развитие материально-технической базы учреждений культуры, программы по благоустройству и т. д. Для значительной доли сельских администраций гранты являются одним из немногих реальных источников финансирования инфраструктурных проектов, ремонта социальных объектов и благоустройства общественных пространств. Это сформировало запрос на особый тип компетенций руководителя: от главы сегодня требуется не только знание административных процедур, но и способность ориентироваться в конкурсной документации, грамотно составлять заявки, обосновывать сметы, отчитываться по целевому использованию средств. Сельский глава здесь выступает в роли «добытчика»: он не столько генерирует ресурсы внутри поселения, сколько привлекает их из республиканского и федерального бюджетов. Эта модель успешно работает в условиях развитой грантовой инфраструктуры, но одновременно закрепляет зависимость сельских территорий от внешнего финансирования и сохраняет логику вертикального распределения ресурсов.

Достаточно хорошо, по мнению сельских глав, у них получается налаживать взаимодействие «со спонсорами, предпринимателями, меценатами» (31,6%) и «с органами государственной власти (района, Республики Татарстан, федеральными органами)» (28,7%). Доли респондентов, выделивших успешность в решении данных задач, возможно, указывают на ситуативный, проектный характер упомянутого взаимодействия, поскольку оно активизируется тогда, когда возникает конкретная потребность, а именно – необходимость изыскать финансирование в районе или найти спонсора для проведения какого-либо мероприятия. В то же время следует отметить, что спонсорская поддержка в сельских поселениях республики очень развита, особенно благодаря выходцам из сёл, которые достигли определённых успехов и имеют возможность оказывать всяческую помощь «малой родине» [21]. Взаимодействие сельских глав с органами государственной власти строго регламентировано нормативными документами, однако избыточная бюрократизация и недостаточная гибкость существующих процедур существенно ограничивают его эффективность в решении местных вопросов.

Значительно менее востребованными оказались компетенции, связанные с развитием горизонтальных связей и гражданской самоорганизации. Вариант «развивать ТОС» набрал лишь 5,7%. ТОС представляет собой институциональную форму низовой самоорганизации, наиболее приближенную к населению. Низкий показатель может указывать на то, что работа по созданию и поддержке автономных от администрации общественных структур не является для большинства сельских глав приоритетной или успешной. Схожие низкие показатели у вариантов «сотрудничать с бизнесом и НКО» (4,8%) и «внедрять цифровые технологии, сервисы в работу среди населения» (7,6%). Последнее особенно показательно в контексте цифровизации публичного управления и указывает

на возможный разрыв между технологическими возможностями и реальными практиками на селе.

Таким образом, самоэффективность глав сельских поселений сконцентрирована преимущественно в сфере вертикального взаимодействия: мобилизация ресурсов населения (самообложение), реагирование на их запросы (обращения) и привлечение ресурсов извне (гранты). Навыки, связанные с развитием горизонтального социального капитала, гражданской инфраструктуры (ТОС, НКО) и современных цифровых форм коммуникации, развиты существенно слабее. В этой системе глава оказывается своего рода «распределительным центром»: без его участия затруднено как получение ресурсов, так и согласование действий. В результате горизонтальная активность жителей остаётся на периферии, уступая место вертикальному управлению.

В сельских поселениях доминирует реактивная модель гражданского участия, при которой большинство жителей включаются в общественные дела лишь по инициативе администрации. Это свидетельствует о сохранении патерналистских установок и дефиците проактивного социального капитала. Высокая самооценка сельскими главами своей успешности именно в сфере самообложения и работы с обращениями, при низкой оценке собственной способности развивать ТОС, указывает на укоренённость «административно-мобилизационного» сценария, при котором глава выступает не партнёром и модератором общественных инициатив, а организатором и посредником между населением и вышестоящими уровнями власти. Складывается круг, разорвать который сложно: система снова и снова использует привычные административные инструменты и почти не создаёт условий для того, чтобы у людей появился опыт реального соучастия в управлении. Такая модель позволяет поддерживать порядок и решать текущие вопросы, но не даёт импульса для долгосрочного развития. Между тем старение и отток населения, нехватка собственных средств и растущие запросы к качеству жизни требуют другого подхода. Необходим переход к партнёрским отношениям, где власть и жители совместно определяют приоритеты развития и несут ответственность за результат.

Эффективные формы участия и обратной связи в системе МСУ

Анализ представлений глав сельских поселений об эффективных формах участия граждан в МСУ демонстрирует устойчивое доминирование традиционных, очных и персонифицированных практик взаимодействия власти и населения. Полученные результаты отражают специфику сельского социального контекста и особенности институциональной среды, в которой реализуется МСУ. По мнению глав сельских поселений, наиболее эффективной формой участия сельчан являются сходы граждан: данный вариант набрал 71,4% (см. рис. 2).



Рис. 2. Структура предпочтений сельских глав относительно форм участия сельчан в МСУ, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Высокая оценка сходов граждан указывает на их ключевую роль как универсального института сельского самоуправления, выполняющего одновременно функции информирования, коллективного обсуждения и легитимации принимаемых решений. В условиях малых сообществ сход граждан остаётся наиболее понятной и социально укоренённой формой вовлечения населения, обеспечивающей символическое и практическое признание решений со стороны жителей.

Второе место по значимости занимает самообложение граждан (67,9%). Его высокая оценка респондентами объясняется не только финансовым значением для бюджетов сельских поселений, но и социальной функцией: участие в самообложении воспринимается как форма коллективной ответственности и практическая реализация принципа соучастия жителей в развитии своей территории. Самообложение в сёлах республики функционирует как социальная практика, опирающаяся на плотные неформальные связи и локальные нормы взаимных обязательств.

В отличие от самообложения, значимость участия сельчан в таком партисипаторном инструменте, как инициативное бюджетирование, главами оценивается значительно ниже (8,1%). Низкая оценка этого инструмента коррелирует с его фактическим статусом в регионе – формально он существует в нормативной плоскости, но не обеспечивается системным выделением средств из республиканского бюджета и остаётся преимущественно в фазе пилотных проектов и обсуждений¹. В Татарстане проекты по инициативному бюджетированию

¹ Инициатива финансово наказуема // Коммерсантъ : сайт. 30.12.2020. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4637743?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 03.02.2026); Гордеева Н. В Госсовете предложили ввести инициативное бюджетирование как альтернативу самообложению // Татар информ : сайт. 16.10.2023. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/v-gossovete-predlozili-vvesti-iniciativnoe-byudzetirovanie-kak-alternativu-samooblozeniyu-5922942?utm> (дата обращения: 03.02.2026); Собрать деньги не только с жителей, но и с бизнеса: Татарстану предлагают новое самообложение // KAZANFIRST : сайт. 20.11.2024. URL: <https://kazanfirst.ru/articles/sobrat-dengi-ne-tolko-s-zhitelej-no-i-s-biznesa-tatarstanu-predlagayut-novoe-samooblozhenie?utm> (дата обращения: 02.02.2026).

и порядок проведения конкурсного отбора размещены на официальных ресурсах 2, то есть механизмы и процессы для реализации данных проектов можно считать юридически и организационно подготовленными. Но на практике выделение средств если и происходило, то носило эпизодический и фрагментарный характер. Вследствие этого сельские главы предпочитают формы участия, которые уже доказали свою ресурсную эффективность в республике (самообложение), а инициативное бюджетирование остаётся для них «инструментом ожидания», который пока не обеспечивает необходимое финансирование проектов.

Такую форму участия, как «личные неофициальные обращения, просьбы, жалобы», многие руководители воспринимают как работающий механизм вовлечения людей в МСУ (27,7%). Но личная просьба не создаёт коллективного субъекта, не формирует повестку для всего сельского поселения, не порождает устойчивых практик самоорганизации. Поэтому, признавая её эффективность в конкретных ситуациях, главы не ставят её в один ряд со сходами и самообложением, которые работают на уровне сообщества в целом. Неформальное обращение решает проблему конкретного человека; сход и самообложение направлены на решение проблем поселения.

Другие формы гражданского участия, такие как волонтерство (13,7%), общественные слушания (6,3%), опросы и анкетирование (6%), упоминаются реже, что не свидетельствует о полном отсутствии данных практик, однако может указывать на их вторичный характер по сравнению с традиционными формами коллективного взаимодействия.

Распределение предпочтений демонстрирует ориентацию глав сельских поселений на проверенные и институционально укоренённые формы участия, обеспечивающие управляемость процессов и предсказуемость реакции населения. Это позволяет говорить о воспроизводстве традиционалистской модели гражданского участия, адаптированной к условиям сельской местности.

Аналогичная структура предпочтений выявляется и по отношению к оценкам форм обратной связи между органами МСУ и населением (см. рис. 3).



Рис. 3. Оценка сельскими главами эффективности каналов обратной связи с жителями, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Абсолютным лидером в эффективности каналов обратной связи вновь выступают соходы граждан (72,1%), что подтверждает их универсальный характер как канала двусторонней коммуникации. Существенную роль играют личные неофициальные обращения (40,9%), что свидетельствует о персонифицированном характере власти на сельском уровне: глава поселения воспринимается жителями как доступный и конкретный адресат для запросов. Важным элементом современной коммуникационной структуры становится использование социальных сетей и мессенджеров (39,3%). Их значимость сопоставима с личными обращениями, но цифровые каналы в данном случае не вытесняют традиционные формы, а интегрируются в них, образуя гибридную модель обратной связи. Социальные сети и мессенджеры используются преимущественно для оперативного информирования и координации, тогда как ключевые решения и обсуждения по-прежнему концентрируются вокруг очных форм взаимодействия. Такие формы обратной связи, как общественные слушания (9,7%), опросы и анкетирование (10,6%), горячая линия / телефонные обращения (13,2%), почтовые и электронные обращения (7%), работа с ТОС (5,5%), оцениваются значительно ниже, но всё же имеют место.

В совокупности полученные данные подтверждают, что в сельских поселениях сохраняется ориентация на формы участия и обратной связи, основанные на непосредственном личном контакте, высокой плотности социальных связей и локальном доверии. Современные партисипаторные и цифровые инструменты воспринимаются как вспомогательные и не обладают самостоятельной легитимирующей силой. Это позволяет говорить о гибридном характере сельского МСУ, в рамках которого элементы модернизации сосуществуют с устойчивым традиционализмом управленческих и коммуникативных практик.

Институт депутатов сельских поселений: между функциональностью и кадровым дефицитом

В муниципальных образованиях Татарстана свыше 7,5 тыс. человек составляют депутатский корпус городских и сельских поселений. При этом именно сельские депутаты остаются для значительной части населения регулярно доступным каналом представительства интересов «на земле», что подтверждает актуальность анализа их мотивации, кадрового воспроизводства и реальной вовлечённости в решение вопросов местного значения в условиях продолжающейся реформы системы МСУ.

Анализ данных, характеризующих состояние института депутатов сельских поселений, показывает имеющееся противоречие. С одной стороны, депутатский корпус сохраняет высокую функциональную значимость – по мнению сельских глав. С другой стороны, воспроизводство этого института сталкивается с системными трудностями, обусловленными падением привлекательности депутатского мандата и кризисом мотивации потенциальных кандидатов.

На вопрос о сложности поиска кандидатов в депутаты (см. рис. 4) лишь 3,6% глав ответили, что такие находятся легко. Подавляющее большинство респондентов

(96,2%) отмечают наличие проблем в этой сфере. При этом оценки распределяются следующим образом: 36,5% глав поселений констатируют, что найти кандидатов «очень сложно», а 59,7% признают, что «бывают трудности, но они решаемые».

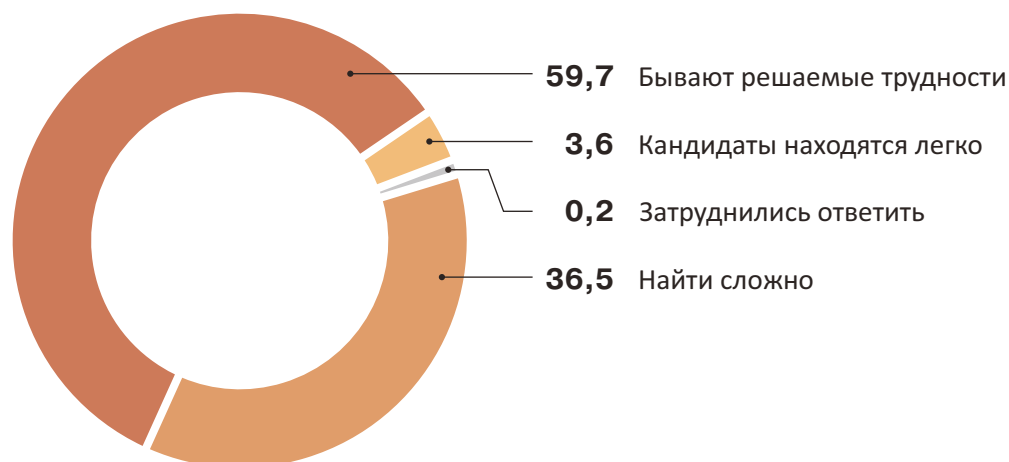


Рис. 4. Оценка сельскими главами кадровой ситуации при формировании депутатского корпуса, год 2025, %

Данные рисунка 4 показывают, что проблема кадрового дефицита в представительных органах носит общереспубликанский системный характер, лишь единицы глав не сталкиваются с ней. Но важно, что для большинства (59,7%) проблема пока остаётся преодолимой, удаётся находить кандидатов, хотя и с усилиями. В то же время более трети глав (36,5%) испытывают кадровый голод, для них поиск депутатов превращается в серьёзную проблему.

Респонденты отмечают, что самой распространённой причиной нежелания жителей избираться в представительные органы является убеждение в том, что деятельность депутата – это «безвозмездная работа, депутаты не получают зарплату» (62,3%). Вторую позицию занимает мнение о непрестижности деятельности депутата сельского поселения (32,7%). Отмечаются также такие факторы, как недостаток свободного времени (28,3%), «большая ответственность» (27,7%), пожилой возраст (16,6%), конфликты с жителями (15,3%), «неверие в возможность что-то изменить» (12,6%).

Данные опроса дают возможность выделить барьеры, которые останавливают потенциальных кандидатов в депутаты. Главный барьер – материальный. Депутатство требует временных и эмоциональных затрат, но не приносит дохода. В условиях, когда сельское население в значительной части ориентировано на поиск работы или совмещение нескольких источников заработка, безвозмездная общественная нагрузка становится невозможной.

Второй барьер статусный. Отсутствие престижа указывает на то, что депутатский мандат не воспринимается как социальный лифт, как знак уважения или признания. Напротив, он ассоциируется с дополнительной обузой при отсутствии символических дивидендов.

Третий барьер ресурсный – дефицит свободного времени, поскольку люди заняты зарабатыванием средств и не могут позволить себе регулярно

участвовать в заседаниях, работать с избирателями, вникать в бюджетные вопросы. Демографическая ситуация в сельских поселениях также ограничивает круг желающих избираться и эффективно работать в представительных органах.

Четвёртый барьер психологический. Большая ответственность и боязнь конфликтов с односельчанами свидетельствуют о том, что люди стремятся избегать публичных претензий и личных обид. В малом сообществе, где все друг друга знают, конфликт с соседом на почве нерешённой проблемы становится общеизвестным.

Пятый барьер мировоззренческий. Скептическое отношение к результативности депутатской работы указывает на утрату доверия к формальным механизмам участия.

Из ответов респондентов также можно выделить дополнительный «декларационный барьер», суть которого состоит в обременительности процедуры декларирования доходов и имущества для должности, не предполагающей вознаграждения, а также страх административной ответственности за решения, принимаемые в условиях ограниченных ресурсов поселений: «Депутат, имеющий хорошую финансовую обеспеченность, не желает показывать свои доходы в декларации»; «Ежегодно сдавать справку о доходах»; «Заполнение декларации, так как денег не получают за работу»; «Сдача справок о доходах и расходах, показ имущества, счетов в банках, сбор справок. Большая ответственность, прокурорские проверки».

Институт депутатов, будучи формально безвозмездным, тем не менее обременён отчётными процедурами, характерными для оплачиваемых должностей. Возникает ситуация, при которой государство предъявляет к безвозмездным общественникам требования, но не сопровождает их ни заработной платой, ни социальными гарантиями. Это становится мощнейшим демотивирующим фактором, особенно для людей, имеющих реальный доход и не желающих его афишировать.

Несмотря на кадровый дефицит, сельские главы высоко оценивают роль депутатов в управлении поселением (см. рис. 5).

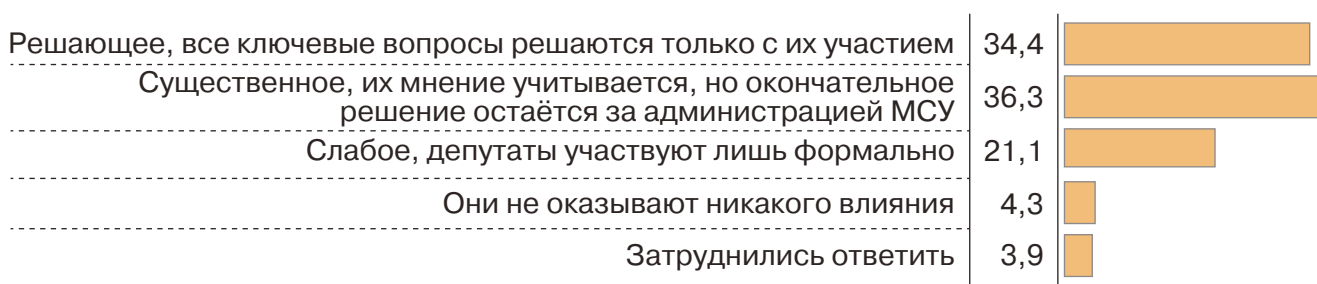


Рис. 5. Оценка главами сельских поселений степени влияния депутатов на принятие решений, год 2025, %

Более 70% опрошенных глав сельских поселений признают депутатский корпус реально влиятельной силой.

Распределение ответов респондентов о наиболее важных функциях депутатов соотносится с оценками их влияния на принятие решений (см. рис. 6).



Рис. 6. Приоритетные направления депутатской деятельности в оценках сельских глав, год 2025, % (допускался множественный выбор)

Абсолютное большинство глав видят главную миссию депутатов в «представлении интересов жителей» (на рис. 65,5%). Второй по значимости функцией названо «решение вопросов благоустройства» (55,4%). Третьей – «повышение активности граждан» (на рис. 39,9%). Далее идут такие функции, как «утверждение местного бюджета» (22,1%) и «поиск спонсоров» (21,6%). Наименьшие доли у функций «контроль за деятельностью администрации» (на рис. 9%) и «помощь при подаче заявок на гранты, программы» (9,7%).

Данные позволяют сделать вывод о том, как именно главы видят роль депутатов в системе МСУ. Депутат для них – это прежде всего «голос жителей», транслятор их запросов и проблем во власть. Вторая по значимости функция – «хозяйственник на территории», человек, отвечающий за состояние дорог, освещения, детских площадок. Интересно, что такие классические представительские функции, как утверждение бюджета и контроль за администрацией, оказались на периферии. Это говорит о том, что в реальной практике сельского управления депутаты воспринимаются не столько как «контролёры» или «законодатели», сколько как «помощники» главы, работающие с населением и решающие локальные проблемы.

Сопоставление полученных данных о трудностях кадрового воспроизводства и о высокой функциональной значимости депутатов обнаруживает институциональное противоречие. Система МСУ остро нуждается в депутатах, признаёт их роль и влияние, но при этом не может обеспечить приток новых людей. Депутатский корпус стареет, воспроизводится с трудом, а механизмы мотивации (материальные, статусные, символические) практически отсутствуют. Кадровый ресурс поддерживается за счёт личных усилий глав и инерции существующего состава, но по мере естественного старения населения поселений и выбывания депутатов проблема будет только обостряться. Преодоление этого кризиса требует пересмотра самой модели низового представительства через введение достойной оплаты депутатского труда или упрощение отчётных требований и снижение административной нагрузки. Без этих изменений институт сельских депутатов рискует превратиться в формальную структуру, не способную выполнять возлагаемые на неё функции.

Заключение

Проведённое исследование выявило устойчивые особенности гражданского участия и функционирования социального капитала в сельских поселениях Республики Татарстан, зафиксированные в оценках и практическом управленческом опыте их глав. Полученные данные показывают, что в сельских поселениях преобладает реактивная модель участия, при которой большинство жителей вовлекаются в решение вопросов местного значения по инициативе органов МСУ и при их активной координирующей роли. Проактивное гражданское участие населения выражено в ограниченной степени и концентрируется вокруг небольшого числа постоянных участников.

Анализ показал, что социальный капитал сельских поселений преимущественно формируется за счёт плотных локальных связей, поддерживающих традиционные практики коллективного действия, прежде всего – через сходы граждан и самообложение. Вместе с тем данные формы участия в значительной степени воспроизводят вертикальную модель взаимодействия, где ключевая организационная и координирующая роль принадлежит главе сельского поселения. Недостаточная развитость «соединяющего» социального капитала затрудняет институционализацию устойчивых форм самоорганизации (деятельность ТОС) и участие в более сложных партисипаторных механизмах.

Самооценки глав сельских поселений отражают приоритет административно-мобилизационных функций, связанных с организацией самообложения, работой с обращениями граждан и привлечением внешних ресурсов через программные и грантовые механизмы. В то же время развитие горизонтальных форм взаимодействия, сотрудничество с НКО и бизнесом, а также использование цифровых инструментов вовлечения населения остаются на периферии управленческих приоритетов. То есть сельский глава выступает центральным посредником между населением и вышестоящими уровнями власти, а гражданская активность сохраняет зависимый и фрагментарный характер.

Исследование выявило институциональное противоречие в функционировании депутатского корпуса сельских поселений, проявляющееся в сочетании признанной значимости депутатов и устойчивого кадрового дефицита. Основными барьерами воспроизводства депутатского корпуса выступают безвозмездный характер деятельности, отсутствие престижности мандата, высокая ответственность и обременительные отчётные требования. Сохранение данных условий усиливает риски формализации института депутатства и ослабления представительной составляющей МСУ.

В целом сельское МСУ Республики Татарстан предстаёт как гибридная система, в которой патерналистские ожидания населения, управляемые формы участия и элементы самоорганизации сосуществуют, не складываясь в устойчивую модель партнёрского взаимодействия.

Зафиксированные особенности указывают на структурные ограничения развития локальной демократии и подчёркивают роль социального капитала

как ключевого ресурса трансформации гражданского участия в сельских территориях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Нечаев Д. Н.* Сельские поселения как микромодель гражданского общества в рамках муниципального образования // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 60–67. DOI [10.12737/13174](https://doi.org/10.12737/13174). EDN [ULESTR](https://www.edn.ru/ULESTR).
2. *Личак Н. А., Руденко Л. Д.* Институт местного самоуправления в восприятии граждан России // Мир русскоговорящих стран. 2025. № 1 (23). С. 5–20. DOI [10.20323/2658-7866-2025-1-23-5](https://doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-5). EDN [JWKVVC](https://www.edn.ru/JWKVVC).
3. *Мархинин В. В., Ушакова Н. В.* Нормативные и практические аспекты политического участия и самоуправления граждан: анализ кейса (по материалам исследования органов местного самоуправления в Сургутском районе) // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 9. С. 55–60. DOI [10.24158/per.2024.9.6](https://doi.org/10.24158/per.2024.9.6). EDN [PUCBPK](https://www.edn.ru/PUCBPK).
4. *Гамидов С. С.* Современные проблемы гражданского участия в осуществлении местного самоуправления в России // Управление. 2019. Т. 7, № 2. С. 5–10. DOI [10.26425/2309-3633-2019-2-5-10](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-5-10). EDN [OWKCUD](https://www.edn.ru/OWKCUD).
5. *Вручинская Э. А.* Правовые формы участия граждан в местном самоуправлении // Вестник магистратуры. 2021. № 5-6 (116). С. 106–110. EDN [MVTTKQ](https://www.edn.ru/MVTTKQ). URL: https://www.magisterjournal.ru/docs/VM116_6.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
6. *Копотева И. В.* Гражданское общество и гражданская активность сельской России // Крестьяноведение. 2016. Т. 1, № 1. С. 142–166. DOI [10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166). EDN [ZBFBSP](https://www.edn.ru/ZBFBSP).
7. *Гусаков Т. Ю.* Развитие социального капитала сельской местности на Крымском полуострове (на примере села Новоалексеевка) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 1. С. 156–171. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171). EDN [MKHMHK](https://www.edn.ru/MKHMHK).
8. *Гужавина Т. А.* Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 136–152. DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.9). EDN [XUFIIX](https://www.edn.ru/XUFIIX).
9. *Гужавина Т. А.* Гражданское участие как экстерналия социального капитала // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 1 (25). С. 37–54. DOI [10.19181/snsp.2019.7.1.6268](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268). EDN [CHLUYU](https://www.edn.ru/CHLUYU).
10. *Зинатуллина Г. Ф.* Конвертация социального капитала сельской семьи региона // Регионоведение. 2015. № 1 (90). С. 134–142. EDN [TNDZVN](https://www.edn.ru/TNDZVN).
11. *Бражник Г. В., Шевченко Н. В.* Факторы риска при формировании социального капитала на селе // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). С. 60–65. EDN [SYBADX](https://www.edn.ru/SYBADX).
12. *Бражник Г. В., Бабинцев В. П., Шевченко Н. В.* Условия формирования и воспроизводства социального капитала сельских жителей // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. № 16 (187). С. 49–53. EDN [TEDLHP](https://www.edn.ru/TEDLHP).
13. *Швецов А. Н.* Государственный патернализм или региональная свобода? // Федерализм. 2016. № 2 (82). С. 109–122. DOI [10.21686/2073-1051-2016-2-109-122](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2016-2-109-122). EDN [WDIQIR](https://www.edn.ru/WDIQIR).
14. *Фадеева О. П., Нефёдкин В. И.* «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 3. С. 95–114. DOI [10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114). EDN [YMMJZZ](https://www.edn.ru/YMMJZZ).

15. Фадеева О. П., Нефедкин В. И. Неформальное государственно-частное партнёрство как инициатива снизу: сельские кейсы // Крестьяноведение. 2020. Т. 5, № 3. С. 131–145. DOI [10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145). EDN [VDBTPR](#).
16. Шомина Е. С. Самоорганизация жителей в сельских поселениях – взгляд сквозь розовые очки // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8, № 2 (30). С. 114–132. DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7308](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308). EDN [MGJNAT](#).
17. Виноградский В. Г., Виноградская О. Я. Феномен самоорганизации сельского населения: принципы и перспективы исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 2. С. 355–367. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367). EDN [ROZNSD](#).
18. Аверкиева К. В., Куксин Я. К. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности // Известия Русского географического общества. 2025. Т. 157, № 4. С. 486–504. DOI [10.7868/S3034538325040026](https://doi.org/10.7868/S3034538325040026). EDN [ZXIJST](#).
19. Реутов Е. В. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы / Е. В. Реутов, М. Н. Реутова, И. В. Шавырина, А. А. Турьянский // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4 (140). С. 145–164. DOI [10.14515/monitoring.2017.4.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.10). EDN [YLYNUZ](#).
20. Медведева Н. В., Фролова Е. В., Рогач О. В. Взаимодействие и перспективы партнёрства территориального общественного самоуправления с местной властью // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 72–82. DOI [10.31857/S013216250015275-5](https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5). EDN [NHSLVN](#).
21. Сагдиева Э. А. Реципрокность и патрон-клиентизм как формы института сетевой взаимопомощи в сёлах Республики Татарстан // Этнографическое обозрение. 2024. № 2. С. 229–246. DOI [10.31857/S0869541524020129](https://doi.org/10.31857/S0869541524020129). EDN [CJVTKZ](#).
22. Сагдиева Э. А. Что удалось сделать в сельском Татарстане за десять лет реализации системы самообложения населения // Историческая этнология. 2024. Т. 9, № 2. С. 262–275. DOI [10.22378/he.2024-9-2.262-275](https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275). EDN [BLPGRP](#).
23. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996. 287 с.
24. Putnam R. D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York : Simon & Schuster, 2000. 544 p. ISBN 978-0-7432-0304-3.
25. North D. C. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 159 p.
26. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. New York : Free Press, 1985. 450 p.
27. Темницкий А. Л. Патерналистские основы российской цивилизации в сфере труда // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 2 (10). С. 51–69. EDN [RYVHRO](#).
28. Федоров В. Г. Государственный патернализм как социокультурная матрица российской цивилизационной выживаемости // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2025. Т. 51. С. 17–29. DOI [10.26516/2073-3380.2025.51.17](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17). EDN [SSDVWC](#).
29. Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // Ars Administrandi. 2019. Т. 11, № 1. С. 1–23. DOI [10.17072/2218-9173-2019-1-1-23](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-1-23). EDN [VWYTFS](#).
30. Ушакова С. Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов II региональной молодёжной науч. конф. / Отв. ред. А. К. Кириллов. Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.

31. Зеленцов В. В. Развитие общественного участия в местном самоуправлении в муниципальных образованиях Республики Бурятия // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3 (32). С. 40–47. EDN [HRQXKC](#).
32. Великий П. П., Вяльшина А. А. Предпосылки реализации потенциала социальной активности сельских жителей в современных формах гражданского участия // Вопросы государственного и муниципального управления. 2024. № 3. С. 110–136. DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136](#). EDN [TFOFES](#).

Сведения об авторе

Э. А. Сагдиева

кандидат социологических наук,
старший научный сотрудник
SPIN-код: [3056-1578](#)

Статья поступила в редакцию 19.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 26.05.2026.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2026.14.2.3](#)

CIVIC PARTICIPATION AND SOCIAL CAPITAL IN RURAL SETTLEMENTS: BETWEEN PATERNALISM AND SELF-ORGANIZATION

Elvina Azadovna Sagdieva

Marjani Institute for History
under Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia

Elvina_n@inbox.ru,

ORCID [0000-0003-4510-9467](#)

For citation: Sagdieva E. A. Civic participation and social capital in rural settlements: between paternalism and self-organization. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2026;14(2):42–66. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2026.14.2.3](#).

Abstract. The article analyzes models, barriers, and the effectiveness of civic participation in rural settlements of the Republic of Tatarstan in the context of the condition and reproduction of social capital. The empirical basis of the study consists of data from a questionnaire survey of heads of all rural settlements in 43 municipal districts of the Republic of Tatarstan conducted in 2025, as well as interview materials collected in 2024–2025. The theoretical and methodological framework draws on R. Putnam’s concept of social capital, the institutional approach of D. North and O. Williamson, and theories of paternalism in governance. The findings demonstrate the predominance of a reactive model of civic participation in rural settlements, in which public involvement is largely initiated and sustained by local self-government bodies. A prevalence of “bonding” social capital alongside the weak development of “bridging” forms is identified, which constrains the transition to sustainable practices of self-organization. It is established that heads of rural settlements highly assess their own effectiveness in administration, resource mobilization, and handling citizens’

appeals, but far less often regard the development of territorial public self-government and horizontal forms of interaction as priorities of their activity. An analysis of preferred forms of participation and feedback indicates the dominance of traditional face-to-face practices (citizens' assemblies, self-taxation), supplemented by digital communication channels. Particular attention is paid to the institution of rural deputies, characterized by a combination of high functional significance and a pronounced personnel shortage. The results obtained make it possible to characterize contemporary rural local self-government as a hybrid system combining elements of paternalism, managed participation, and limited self-organization of the population.

Keywords: civic participation, social capital, rural settlements, local self-government, paternalism, self-organization, Republic of Tatarstan

Acknowledgments: The work was carried out with the help of a grant provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to scientific and scientific-pedagogical workers of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan with the aim of stimulating them to defend doctoral dissertations and carry out scientific research work.

REFERENCES

1. Nechaev D. N. Rural settlements as a micro-model of civil society within municipalities. *Journal of Public and Municipal Administration=Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*. 2015;(2):60–67. (In Russ.). DOI [10.12737/13174](https://doi.org/10.12737/13174).
2. Lichak N. A., Rudenko L. D. Local self-governance institution in Russian citizens' perception. *World of Russian-speaking countries=Mir russkogovorjashhih stran*. 2025;1(23):5–20. (In Russ.). DOI [10.20323/2658-7866-2025-1-23-5](https://doi.org/10.20323/2658-7866-2025-1-23-5).
3. Markhinin V. V., Ushakova N. V. Normative and practical aspects of political participation and citizen self-governance: case study. *Society: Politics, Economics, Law=Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*. 2024;(9):55–60. (In Russ.). DOI [10.24158/pep.2024.9.6](https://doi.org/10.24158/pep.2024.9.6).
4. Gamidov S. S. Current problems of civic participation in local self-government in Russia. *Management=Upravlenie*. 2019;7(2):5–10. (In Russ.). DOI [10.26425/2309-3633-2019-2-5-10](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-2-5-10).
5. Vruchinskaya E. A. Legal forms of citizen participation in local self-government. *Master's Journal=Vestnik Magistratury*. 2021;(5-6):106–110. (In Russ.). Available at: https://www.magisterjournal.ru/docs/VM116_6.pdf (accessed: 17.05.2022).
6. Kopoteva I. V. Civil society and civic activity of rural Russia. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2016;1(1):142–166. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2016-1-1-142-166).
7. Gusakov T. Yu. Development of social capital in rural areas of the Crimean Peninsula. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija*. 2023;23(1):156–171. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-156-171).
8. Guzhavina T. A. Social capital of rural population: assessment of condition. *Problems of Territory's Development=Problemy razvitija territorii*. 2018;4(96):136–152. (In Russ.). DOI [10.15838/ptd.2018.4.96.9](https://doi.org/10.15838/ptd.2018.4.96.9).
9. Guzhavina T. A. Civic engagement as an externality of social capital. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(1):37–54. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.1.6268](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.1.6268).

10. Zinatullina G. F. Conversion of social capital of a rural family. *Regionology=Regionologija*. 2015;1(90):134–142. (In Russ.).
11. Brazhnik G. V., Shevchenko N. V. Risk factors in formation of social capital in rural areas. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law=Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 2014;(9):60–65. (In Russ.).
12. Brazhnik G. V., Babintsev V. P., Shevchenko N. V. Conditions for formation and reproduction of rural residents' social capital. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law=Nauchnye vedomosti BelGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*. 2014;(16):49–53. (In Russ.).
13. Shvetsov A. N. State paternalism or regional freedom? *Federalism=Federalizm*. 2016;(2):109–122. (In Russ.). DOI [10.21686/2073-1051-2016-2-109-122](https://doi.org/10.21686/2073-1051-2016-2-109-122).
14. Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. Regional dirigisme and rural self-organization in Tatarstan. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2018;3(3):95–114. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2018-3-3-95-114).
15. Fadeeva O. P., Nefedkin V. I. Informal public-private partnership as a grassroots initiative: rural cases. *Russian Peasant Studies=Krest'janovedenie*. 2020;5(3):131–145. (In Russ.). DOI [10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145](https://doi.org/10.22394/2500-1809-2020-5-3-131-145).
16. Shomina E. S. Self-organization of residents in rural settlements: a critical view. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2020;8(2):114–132. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2020.8.2.7308](https://doi.org/10.19181/snsp.2020.8.2.7308).
17. Vinogradsky V. G., Vinogradskaya O. Ya. The phenomenon of rural self-organization. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Sociologija*. 2023;23(2):355–367. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-2-355-367).
18. Averkieva K. V., Kuksin Ya. K. Role of grassroots self-organization in development of peripheral rural areas. *Izvestiya of the Russian Geographical Society=Izvestiya Russkogo Geograficheskogo Obshchestva*. 2025;157(4):486–504. (In Russ.). DOI [10.7868/S3034538325040026](https://doi.org/10.7868/S3034538325040026).
19. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V., Turyansky A. A. Self-organization in local communities. *Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2017;(4):145–164. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2017.4.10](https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.4.10).
20. Medvedeva N. V., Frolova E. V., Rogach O. V. Territorial public self-government and local authorities. *Sociological Studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2021;(10):72–82. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250015275-5](https://doi.org/10.31857/S013216250015275-5).
21. Sagdieva E. A. Reciprocity and patron-clientelism in rural Tatarstan. *Ethnographic Review=Etnograficheskoe obozrenie*. 2024;(2):229–246. (In Russ.). DOI [10.31857/S0869541524020129](https://doi.org/10.31857/S0869541524020129).
22. Sagdieva E. A. Results of ten years of population self-taxation in rural Tatarstan. *Historical Ethnology=Istoricheskaja jetnologija*. 2024;9(2):262–275. (In Russ.). DOI [10.22378/he.2024-9-2.262-275](https://doi.org/10.22378/he.2024-9-2.262-275).
23. Putnam R. Making democracy work: civic traditions in modern Italy [Chtoby' demokratiya srahotala. Grazhdanskije tradicii v sovremennoj Italii]. Moscow: Ad Marginem; 1996. 287 p. (In Russ.).
24. Putnam R. D. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York: Simon & Schuster; 2000. 544 p. ISBN 978-0-7432-0304-3.
25. North D. C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 159 p.

26. Williamson O. E. The economic institutions of capitalism: firms, markets, relational contracting. New York: Free Press; 1985. 450 p.
27. Temnitsky A. L. Paternalistic foundations of Russian civilization in the sphere of labor. *Sociological Science and Social Practice=Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2015;2(10):51–69. (In Russ.).
28. Fedorov V. G. State paternalism as a sociocultural matrix of Russian civilizational survival. *Izvestiya of Irkutsk State University. Series Political Science and Religious Studies=Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie*. 2025;(51):17–29. (In Russ.). DOI [10.26516/2073-3380.2025.51.17](https://doi.org/10.26516/2073-3380.2025.51.17).
29. Potseluev S. P., Tsybenko S. N. The phenomenon of national mobilization. *Ars Administrandi*. 2019;11(1):1–23. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-9173-2019-1-1-23](https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-1-1-23).
30. Ushakova S. N. Social mobilization as a systemic characteristic of Soviet society. In: *Historical research in Siberia*. A. K. Kirillov, ed. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; 2008. P. 205–212. (In Russ.).
31. Zelentsov V. V. Developing public participation in local government in the Republic of Buryatia. *Municipality: Economics and Management=Municipalitet: e'konomika i upravlenie*. 2020;(3):40–47. (In Russ.).
32. Velikiy P. P., Vyalshina A. A. Prerequisites for realizing social activity potential of rural residents. *Public Administration Issues=Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 2024;(3):110–136. (In Russ.). DOI [10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-3-110-136).

Information about the Author

E. A. Sagdieva

Candidate of Sociology,

Senior Researcher

ResearcherID: [I-1787-2018](https://orcid.org/0009-0001-1787-2018)

Scopus AuthorID: [57194549072](https://orcid.org/0009-0001-1787-2018)

The article was submitted 19.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 26.05.2026.